

1(091)
К 12

Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан

КАБЫКЕНОВА Б.С.

История философии права

Учебное пособие

часть вторая

**Академия государственного управления
при Президенте Республики Казахстан**

КАБЫКЕНОВА
Бахытжамал Сапаровна

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Учебное пособие

Часть вторая

Астана - 2008

1(091):340.12(075)
К 12

**Рекомендовано к изданию Ученым советом Академии
государственного управления при Президенте РК**

Рецензенты:

Байтенова Н.Ж. – доктор философских наук, профессор

Биекенов М.А. – доктор философских наук, профессор

К 12 Кабыкенова Б.С.

**История философии права (часть вторая) – Астана: Академия
государственного управления при Президенте РК, 216 с.**

Основной целью настоящего учебного пособия является целостное исследование и отражение процесса исторического развития философии права и осмысление сущности ее становления. Выполняя мировоззренческую и методологическую функцию, философия права задает ценностные ориентиры любой социально-правовой теории. Однако сущность этих теорий во многом зависит от положенного в их основу изначального понимания сущности права. Именно поэтому эволюция человеческих представлений о равенстве, справедливости и свободе находит свое выражение в социально-этических и философско-правовых теориях и концепциях мыслителей от древности до современности, рассматривающих данную проблему как специфическое социальное явление. В работе определяются и рассматриваются методологические и мировоззренческие предпосылки философского постижения природы права и предпринята попытка целостного анализа истории становления и развития понимания сущности права и выявления тех теоретических тенденций, которые сопутствуют ее осмыслению. Работа состоит из двух частей и рекомендуется для магистрантов и студентов в процессе изучения истории философии науки, философии права, современных проблем теории права, правовой культуры, правовой этики и представляет определенный интерес для политологов, философов, юристов и широкого круга читателей.

К 0301020000
00(05)-09

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
Президентінің жанындағы
Мемлекеттік басқару академиясы
мүліктік № 43011

© Б.С. Кабыкенова., 2008.

© Академия государственного управления
при Президенте Республики Казахстан, 2008.

ISBN 9965-797-58-7

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Глава 1. Персоноцентристский и тоталитаристский подходы в понимании философско-правовых проблем

§ 1. Приоритет индивидуальных прав в концепции Бенжемина Констана.....	6
§ 2. Проблема гражданской свободы в мировоззрении Джона Стюарта Милля.....	13
§ 3. Философско-правовая концепция марксизма.....	22
Выводы и контрольные вопросы.....	29
Литература.....	30

Глава 2. Русская либеральная философия права

§ 1. Исторические особенности развития либерализма в России.....	31
§ 2. Проблемы соотношения философии и теории права в наследии А. П. Куницына и Н. Б. Чичерина.....	36
§ 3. Критический идеализм П. И. Новгородцева.....	45
§ 4. «Возрожденное естественное право» в теории Е. Н. Трубецкого.....	52
§ 5. Право и нравственность в концепции И. В. Михайловского.....	61
Выводы и контрольные вопросы.....	65
Литература.....	68

РАЗДЕЛ II. ВОСТОЧНАЯ КУЛЬТУРА ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Глава 1. Философско-правовые концепции исламского миропонимания

§ 1. Специфика философско-правовой культуры мусульманского средневековья.....	71
§ 2. Фикх как правовой институт и основные направления мусульманской трактовки права.....	75
Выводы и контрольные вопросы.....	83
Литература.....	84

Глава 2. Теоретическое наследие арабоязычных и тюркоязычных мыслителей

§ 1. «Добродетельный город» аль-Фараби как прообраз гражданского общества.....	85
§ 2. Умеренное свободомыслие в рамках суннитской традиции в теоретическом наследии Ибн Сины и аль-Газали.....	98
§ 3. Философско-правовое наследие Ибн Рушда, Ибн Баджжа и Ибн Туфейля.....	100
§ 4. Проблемы права в социальной философии Юсуфа Баласагуна.....	105
Выводы и контрольные вопросы.....	110
Литература.....	112

Глава 3. Казахская философско-правовая традиция

§ 1. Обычное право и институт биев как особый пласт казахской философско-правовой культуры.....	114
§ 2. Ч.Ч. Валиханов как основоположник теоретической основы казахской философско-правовой культуры.....	124
§ 3. Философское осмысление норм и практического значения обычного права в наследии Абая Кунанбаева.....	131
§ 4. Философско-правовая проблематика в мировоззрении казахских просветителей.....	139
Выводы и контрольные вопросы.....	146
Литература.....	149

РАЗДЕЛ III. ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ТЕОРИИ XX ВЕКА И СОВРЕМЕННОСТИ

Глава 1. Современные либеральные и позитивистские концепции философии права

§ 1. Ганс Кельзен – основоположник нормативистской концепции в современной философии права.....	152
§ 2. Развитие идей немецкого классического идеализма в трудах Г. А. Шварц-Либерман фон Валендорфа.....	159
§ 3. Развитие современной теории естественного права в трудах А. Фердросса и Кристиана Кюля.....	164

§ 4. Особенности естественно-правовых идей Андреса Ольеро.....	170
Выводы и контрольные вопросы.....	176
Литература.....	176
Глава 2. Философия права В. С. Нерсисянца	
§ 1. Историческое противостояние легизма и юснатурализма.....	177
§ 2. Либертарно-юридическая концепция В.С. Нерсисянца как соотношение (триединство) равенства, справедливости и свободы.....	180
Выводы и контрольные вопросы.....	187
Литература.....	187
Глава 3. Философско-правовая проблематика в иных современных теориях	
§ 1. Нормативистские взгляды О. Э. Лейста.....	188
§ 2. Теория правозаконности С. С. Алексеева как одна из попыток преодоления односторонности юснатурализма и легизма.....	190
Выводы и контрольные вопросы.....	196
Литература.....	200
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	202

РАЗДЕЛ 1. ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ XIX–НАЧАЛА XX ВЕКА

Глава 1. Персоноцентристский и тоталитаристский подходы в понимании философско-правовых проблем

§ 1. Приоритет индивидуальных прав в концепции Б. Констана

В социальных теориях конца XVIII – начала XIX века индивидуальная свобода, то есть сфера гражданских прав, определялась как свобода истинная, а политическая свобода – лишь как ее гарантия. Такие приоритеты были выдвинуты в трудах французского политического мыслителя, представителя либерализма Б. Констана, исходным понятием социальной теории которого является именно индивидуальная свобода, трактуемая им как личная независимость, самостоятельность, безопасность. Разграничение основных прав и свобод на права и свободы человека и гражданина возникло из стремления гарантировать личную свободу и независимость, оградить индивида от вмешательства государства. Такой подход явился разрывом с традицией, которая сводила положение человека только к его взаимосвязи с государством в качестве подданного, всецело подчиненного государственной власти. Институты государственной власти, по мнению мыслителя, должны создаваться на основе индивидуальной свободы человека, а суверенитет государства – заканчиваться там, где начинается независимость частного лица. Это разграничение, «раздвоение» человека, вытекающее непосредственно из различения гражданского общества и государства, преодолевает одностороннее рассмотрение индивида в его взаимосвязи только с государством. Человеку отводится автономное поле деятельности, где движущей силой выступают его индивидуальные интересы, реализация которых осуществляется в гражданском обществе, основанном на частной собственности и сфере личной жизни, и опирается на естественные права, принадлежащие ему от рождения. Государство, воздерживаясь от вмешательства в эти отношения, призвано ограждать их не только от своего, но и от чьего бы то ни было вмешательства. Таким

образом, как мы видим, в гражданском обществе на основе прав человека должны создаваться условия для самоопределения, самореализации личности, обеспечения ее автономии и независимости от любого незаконного вмешательства.

Однако признавая значимость государства для гарантирования прав человека, теоретики того периода стремились минимизировать его роль, ограничить сферу его деятельности, освободить от его влияния прежде всего экономические отношения. Такой подход и был выражен Б. Констаном, понимание свободы которого неотделимо от прав человека. Права, по его мнению, не подчиняют индивида государству, а напротив, являются ограничителем всевластия государства, антиподом произвола и беззакония. На этих постулатах и формируется новое понимание государства как правового, имеющего приоритетом права человека, господство закона, разделение властей. Мыслитель настаивает на жестком определении конкретной меры социальной полезности институтов власти, на точном установлении пределов их компетенции, что определяет как нужный обществу объем государственной власти, так и необходимое количество и качество требуемых государству прав. Констан полагал, что современное государство должно быть по форме конституционной монархией, в лице правителя которого политическое сообщество приобретает «нейтральную власть».

Рассматривая на примере управления античными государствами свободу человека в древности, мыслитель сопоставляет ее с пониманием и осуществлением правовой свободы в современном ему обществе, делая при этом акцент на представительном правлении. Анализируя способы управления античными государствами, он отмечает, что народ обладал большей частью прямых политических прав: он мог голосовать за законы, судить обвиняемых патрициев, – то есть там были, хотя и слабые, признаки представительной системы. Однако, хотя состояние общества в античности и было благоприятным для введения или укоренения данной формы правления, древние народы не могли ни прочувствовать ее необходимость, ни оценить ее преимущества, поскольку их социальная организация требовала свободы, совершенно отличной от той, которую обеспечивает представительная система. Исходя

из этого, Констан, задаваясь вопросом, какой смысл вкладывает в понятие свободы современный ему человек, утверждает: «Это право каждого подчиняться одним только законам, не быть подвергнутым ни дурному обращению, ни аресту, ни заключению, ни смертной казни вследствие произвола одного или нескольких индивидов. Это право каждого высказывать свое мнение, выбирать себе дело и заниматься им; распоряжаться своей собственностью, даже злоупотребляя ею; не испрашивать разрешения для своих передвижений и не отчитываться ни перед кем в мотивах своих поступков. Это право каждого объединяться с другими индивидами либо для обсуждения своих интересов, либо для отправления культа <...> Наконец, это право каждого влиять на осуществление правления либо путем назначения всех или некоторых чиновников, либо посредством представительства, петиций, запросов, которые власть в той или иной мере принуждена учитывать» [1, с. 98].

Свобода граждан античного полиса состояла в коллективном, но прямом осуществлении нескольких функций верховной власти, взятой в целом: обсуждении вопросов войны и мира, заключения союзов с чужеземцами, голосовании за принятие законов, вынесение приговоров, проверки расходов и актов магистратов, их обнародовании, а также осуждению или оправданию их действий. Но вместе с тем там допускалось полное подчинение индивида авторитету сообщества. Все частные действия человека находились под суровым надзором, и личная независимость не распространялась ни на мнения, ни на бытовые отношения: «Законы управляли нравами, а поскольку нравы простираются на все, то не было ничего, что не регулировалось бы законами» [1, с. 99]. Таким образом, у древних индивид, почти суверенный в общественных делах, оставался рабом в частной жизни. Если как гражданин он мог решать глобальные вопросы государства, то как частное лицо он всегда был под наблюдением, его воля ограничивалась и подавлялась. Если как частица коллективного организма он мог осуждать, разоблачать, изгонять или предавать смерти своих сограждан, то, будучи подчиненным коллективному организму, он в свою очередь мог быть лишен всех своих прав и свобод. Напротив, независимый в жизни современный индивид даже в самых свободных государствах,

говорит мыслитель, суверенен в политике лишь по видимости. Его суверенитет ограничен, почти всегда лишен основания, и даже если изредка индивид и может осуществить этот суверенитет, то лишь затем, чтобы отречься от него.

Обращаясь к истокам столь существенного различия между свободой современных и древних граждан, мыслитель констатирует, что все античные республики были замкнуты в узких границах. Современный же мир, говорит Б. Констан, являет собой совсем иную картину. Самые маленькие из государств «несравненно более обширны, нежели Спарта или Рим на протяжении пяти веков <...> Если раньше каждый народ образовывал изолированное семейство, от рождения своего враждебное другим, то сейчас огромные массы людей, существуя под разными именами, имея различные способы социальной организации, однородны по всей природе» [1, с. 100]. При этом, рассматривая вопросы практической свободы, философ отмечает, что благодаря коммерции, религии, интеллектуальному и нравственному прогрессу у европейских народов теперь нет рабов. Все общественные потребности должны выполняться свободными людьми, которым дана свобода выбрать любую профессию. Занятия коммерцией вызывают у людей стремление к личной независимости, так как она удовлетворяет нужды и исполняет желания без вмешательства властей. Мало того, вмешательство властей в этом деле всегда только создает помехи и тягость, что, на наш взгляд, очень актуально и в современности.

Сравнивая два рассматриваемых типа свободы, Б. Констан говорит, что народ не может больше следовать античному типу свободы, состоявшему в деятельном и постоянном участии в коллективной реализации власти, поскольку в то время это не было, как сегодня, пустой абстракцией. Воля каждого имела реальное влияние, а реализация этой воли доставляла постоянное удовлетворение, вследствие чего античный человек был способен на большие жертвы ради сохранения своих политических прав, своей доли участия в управлении государством. Каждый, с гордостью ощущая цену своего голоса, находил значительное удовлетворение от осознания своей личной значимости. Для современного человека такого удовлетворения уже не существует, так как будучи

растворенным в толпе, он почти никогда не замечает оказываемого им влияния, и ничто не дает ему осознания собственной значимости в достижении общего интереса. Таким образом, осуществление политических прав не приносит ему и части того удовлетворения, которое находили в этом древние. В то же время прогресс цивилизации, коммерческие веяния эпохи, связи между народами умножили и разнообразили средства достижения личного благополучия, из чего вытекает, что свобода индивида должна заключаться в личной независимости. Отсюда мы видим, что древние, жертвуя ею ради политических прав, жертвовали меньшим ради достижения большего, современные же люди, идя на подобные жертвы, отдавали бы большее за меньшее. Если древние называли свободой разделение общественной власти между всеми гражданами страны, то для наших современников свобода – это гарантии, создаваемые общественными институтами в целях безопасности частной сферы. Однако законы свободы в тысячу раз суровее жестокого ига тиранов, отмечает мыслитель. Античный народ, не желая суровых законов, склонен был верить, что иго тиранов предпочтительнее. Но история показала, что произвол властей гораздо хуже самых плохих законов, которые, несомненно, тоже должны иметь свои ограничения.

Считая личную независимость первой из современных потребностей, мыслитель утверждает, что никогда не надо требовать от человека жертвы ради установления политической свободы. Из этого следует, что ни один из многих институтов, которые в древних республиках ограничивали личную свободу, не приемлем в современности. Афинский остракизм основывался и мог быть оправдан на том допущении, что общество обладает всей полнотой власти над людьми. «Но в наших условиях, – говорит мыслитель, – индивиды наделены правами, которые общество обязано уважать, и личное влияние до такой степени растворено во множестве других влияний, равных или превосходящих его по силе, что любое притеснение, мотивированное необходимостью приуменьшить это влияние, бесполезно и, следовательно, несправедливо <...> Никто не имеет права изгнать гражданина с его родины, собственника – с его земель, оторвать торговца от его занятий, супруга – от супруги, отца – от детей, писателя – от его размышлений, старика – от его

привычек» [1, с. 102]. Ибо всякая политическая ссылка есть политическое преступление против общественного спасения, состоящего всегда исключительно в уважении к законам, в соблюдении форм и в поддержании гарантий.

Подлинная современная свобода, по Б. Констану, есть личная свобода, а политическая свобода выступает ее гарантом. «Требовать от нынешних народов, как от древних, пожертвовать всей их личной свободой ради политической свободы – самый верный способ заставить народы отрешиться от личной свободы; когда это удастся, то у них вскоре похитят и свободу политическую» [1, с. 103], – говорит мыслитель. Поэтому наряду с развитием других форм свободы народу в первую очередь необходима гражданская свобода. И правительства, опирающиеся на легитимные основания, имеют меньше права осуществлять над людьми всевластный произвол. Люди и сегодня обладают правами, существовавшими у них всегда, – правами соглашаться лишь с тем, что законно, рассуждать о своих интересах, быть неотъемлемой частью общественного организма. Но на правительства возложены новые обязанности. Прогресс цивилизации, изменения, внесенные веками развития, требуют от власти больше уважения к привычкам, чувствам и независимости индивидов. И в число самых строгих обязанностей власти должна входить осмотрительность, которая отвечает и ее собственным интересам – ведь если свобода, пригодная современным людям, отличается от свободы древних, то и деспотизм, возможный в античности, немислимо перенести в новые времена: «Из-за того, что зачастую мы менее внимательны к политической свободе, чем должно, и в нашем обычном состоянии менее, чем должно, пристрастны к ней, можно заключить, что подчас мы напрасно пренебрегаем предоставляемыми политической свободой гарантиями. Но в то же время, поскольку мы больше, чем древние, ценим личную свободу, мы более настойчиво и умело будем защищать ее от покушений. И для защиты мы наделены средствами, которых не было в античности» [1, с. 104], – подчеркивает мыслитель. Но поскольку свобода, которая нужна народу сейчас, отличается от свободы, которая была у древних, она и требует иной организации. Ведь если в античности человек

считал себя тем более свободным, чем больше времени и сил он посвящал осуществлению своих политических прав, то при современном виде свободы, свобода тем драгоценнее для человека, чем больше времени оставляет для частных интересов индивида осуществление политических прав.

Из всего сказанного мыслитель выводит необходимость представительной системы правления, являющейся организацией, посредством которой нация перекладывает на нескольких индивидов то, что она не может или не хочет выполнить сама. Представительная система – это полномочия, доверенные определенному числу людей всей народной массой, желающей, чтобы ее интересы были защищены, но не имеющей времени защищать их самостоятельно. Народы, говорит Б. Констан, взявшие представительную систему в целях использования приемлемой для них свободы, должны осуществлять постоянное и активное наблюдение за своими представителями и оставить за собой право через определенные небольшие промежутки времени устранить их, если они обманут ожидания, либо лишить их полномочий, которыми они злоупотребили.

Угроза античной свободе заключалась в том, что люди, занятые исключительно обеспечением раздела общественной власти, оставляли без должного внимания индивидуальные права и свободы. Угроза же современной свободе, утверждает мыслитель, состоит в том, что, будучи поглощены личной независимостью и преследуя свои частные интересы, люди могут слишком легко отказаться от своего права на участие в осуществлении политической власти. Носители власти не упускают случая склонить народ к этому, с готовностью спеша избавить его от любых хлопот, за исключением уплаты налогов и послушания. Разделяя эту позицию Б.Констана, необходимо подчеркнуть актуальность данного вывода и для современного нам общества. Народ не может быть счастливым только благодаря своим благам, если они будут отделены от гарантий, он не сможет найти эти гарантии, если откажется от гражданской свободы, так как это должно означать отказ от нормальной жизни вообще. Гражданская свобода «есть самое мощное, самое решительное средство совершенствования, ниспосланное нам небесами. Политическая свобода выносит на

изучение и рассмотрение граждан их самые заветные интересы, развивает разум, облагораживает мысли, устанавливает между всеми людьми своего рода интеллектуальное равенство, составляющее славу и могущество народа» [1, с. 105].

Таким образом, ценностью теоретического наследия Б.Констана было не только осознание специфики толкования свободы в современный ему период, но, прежде всего сделанный им существенный сравнительно-исторический экскурс в становление понимания природы свободы, который позволил ретроспективно осознать основные этапы его становления и сущностные изменения в познании феномена правовой свободы.

§ 2. Проблема гражданской свободы в мировоззрении Джона Стюарта Милля

Проблема гражданской свободы также нашла свое развитие в мировоззрении английского философа Д.С.Милля, который в своих взглядах на проблему гражданской свободы опирался на учение о естественной природе человека, его естественных правах и свободном общественном договоре – теориях, в создании которых большую роль сыграли философы Нового времени и Просвещения. Согласно естественно-правовой доктрине, поскольку человек самостоятелен, без ограничений и помощи извне, реализует свои права на жизнь, свободу и собственность, постольку он является независимым индивидом. Кроме того, человек наделен разумом, призванным руководить его действиями в отношении других людей и общества в целом, поэтому каждый индивид лучше кого-либо другого знает, что для него хорошо, а что – плохо, следовательно, наилучшей формой реализации прав отдельного индивида является предоставление ему как можно большей свободы. Исходя из этого, свобода представлялась мыслителями как «отсутствие всяких препятствий к действию, поскольку они не содержатся в природе и во внутренних качествах действующего субъекта» [2, с. 608].

Главную гарантию этой свободы идеологи классического либерализма видели в незыблемости права собственности, которое призвано дать индивиду самостоятельность и определенную независимость. Эта концепция «негативной свободы», так называемой «свободы от...», обещающая избавление от ограничения

и насилия, наиболее всего отвечала интересам общества свободного предпринимательства. Считалось, что, выбирая такую свободу, при которой их ничто не будет сдерживать, люди полагали, что все проблемы общества найдут свое разрешение. Однако наряду с этим мыслители Нового времени выступали и с требованием ограничения естественных прав и свобод индивида, необходимость чего подтвердил опыт исторического развития Европы. Уже во второй половине XIX века становится очевидным, что свободный рынок не может автоматически вести к сглаживанию социальных противоречий и что в условиях острых социальных конфликтов и революций его механизм нуждается в поправках, прежде всего – в переоценке ряда положений концепции свободы, являвшейся главной ценностью либерализма и одним из ведущих принципов, на основе которых функционирует механизм рыночного общества. Эта новая концепция «позитивной свободы», так называемой «свободы для...», была связана с именем Д. С. Милля, которого современники не случайно называли «отцом свободы».

Свою концепцию гражданской свободы Милль раскрывает в известных работах «О свободе», «Основы политической экономии» и ряде других. Под гражданской свободой он понимает «свойства и пределы той власти, которая может быть справедливо признана принадлежащей обществу над индивидуумом» [3, с. 145]. Исходя из указанного понимания свободы, мыслитель пытается ответить на вопросы о том, какие существуют виды власти общества над индивидом и на основе какого принципа и вытекающих из него правил власть вторгается в жизнь человека. А также что относится к обязательным функциям государственной власти и что составляет сферу индивидуальной свободы, в чем состоят обязанности каждого человека как гражданина и на чем они основываются.

Касаясь истории осмысления проблемы гражданской свободы, философ отмечает, что раньше под ней понималось ограничение власти политических правителей, то есть государства. Эта свобода достигалась двумя способами: «во-первых, через признание правителем таких льгот, называвшихся политической свободой или политическим правом, нарушение которых со стороны правителей считалось нарушением обязанности и признавалось законным

основанием к сопротивлению и общему восстанию; или же, во-вторых, через установление конституционных преград» [3, с. 147]. В большинстве европейских государств преобладал, по мнению мыслителя, первый способ ограничения политической власти. Второй из указанных двух способов Д.С.Милль считал главной целью либерального движения. Однако, после установления представительной демократии в ряде государств стремление к установлению конституционных преград сменилось мнением, что при такой форме правления нет «никакой надобности в ограничении власти, потому что ограничение власти было бы в таком случае охранением себя от своей собственной воли: не будет же народ тиранить сам себя» [3, с. 149]. Полагалось, что представительное правление является собственной властью народа, так как все избираемые им представители являются ответственными перед ним и могут быть сменены по его усмотрению, если не справляются со своими обязанностями и не выражают интересов всего народа. Эти взгляды Милль считает ошибочными, так как на самом деле воля народа является волей более многочисленной и более деятельной части народа. Отсюда он делает вывод, что народная власть может угнетать часть или меньшинство народа, и, следовательно, необходимо разработать меры против ее злоупотребления, так же как и против злоупотреблений любой другой власти.

Отсюда необходимо ограничение также и демократической власти, под чем мыслитель понимает ограничение как государственной власти, так и власти общественного мнения, то есть свободу «от свойственного обществу тяготения, хотя и не уголовными мерами, насильно навязывать свои идеи и свои правила тем индивидуумам, которые с ним расходятся в своих понятиях...» [3, с. 152]. Здесь Д. С. Милль в отличие от Т. Гоббса, Дж. Локка и других предшествующих мыслителей рассматривает угрозу свободе индивида не только со стороны государства, но и со стороны общественного мнения, то есть «тирании большинства» и опасается ее проявления в отношении свободы каждой личности. Вместе с тем, отождествляя государственную власть с властью общественного мнения, мыслитель отмечает: «...большинство

английского общества не дошло до сознания, что правительственная власть есть его собственная власть и что мнения правительственные суть его собственные мнения» [3, с. 160]. В то же время он видит их коренное различие в том, что государственная власть подвергает индивида правовому принуждению, а власть общественного мнения – нравственному.

Д. С. Милль выдвигает принцип, на основе которого власть общества в лице государства и общественного мнения может принудительно вмешиваться в жизнь человека. Сущность данного принципа «заключается в том, что люди индивидуально или коллективно могут справедливо вмешиваться в действия индивидуума только ради самосохранения, что каждый член цивилизованного общества только в таком случае может быть справедливо подвергнут какому-нибудь принуждению, если это нужно для того чтобы предупредить с его стороны такие же действия, которые вредны для других людей, – личное же благо самого индивидуума, физическое или нравственное, не составляет достаточного основания для какого бы то ни было вмешательства в его действие» [3, с. 162–163]. Отсюда власть общества должна распространяться только на те действия индивида, которые касаются интересов общества в целом, но не его личных интересов. Этот принцип философ выводит из своего понимания «принципа пользы», считая его применимым только к человеку, находящемуся в полном обладании своими собственными способностями, и неприменимым к недостаточно развитым в умственном отношении обществам, которые «еще не способны к саморазвитию путем свободы» [3, с. 165], а должны подчиняться «великим личностям», чтобы развиваться по пути прогресса. Исходя из этого принципа, мыслитель выводит два правила, на основе которых власть общества распространяется на каждого. Во-первых, каждый член общества не несет никакой ответственности за свои действия, касающиеся только его собственных интересов. В этом случае общество может только советовать ему, наставлять и убеждать его либо избегать с ним отношений, выражая этим осуждение его действий. Во-вторых, если член общества совершает действия, являющиеся вредными для интересов других людей, он подлежит ответственности, принуждению и наказанию со стороны общества.

Против свойства государственной власти, нарушающего свободу индивида, у Милля есть особые возражения. Выступая типичным представителем идеологии фритредерства, суть которого сводилась к требованию невмешательства государства в экономическую деятельность предпринимателей, и поддерживая его принципы, мыслитель не был согласен с требованием усиления государства и расширения его функций. Во-первых, он считал, что государство не должно вмешиваться в частную жизнь граждан, а обязано предоставлять максимальные возможности для развития экономической инициативы предпринимателей. Во-вторых, любая частная деятельность индивидов, даже если они делают все хуже, чем правительственные чиновники, является могущественным средством интеллектуального воспитания индивидов и развития их способностей. Полагая, что правительственная деятельность ведет к однообразию в обществе и ограничению свободы людей, Д. С. Милль видел расширение свободы граждан в разнообразной общественной деятельности, такой как участие в свободных ассоциациях, местных и муниципальных учреждениях, судах присяжных, то есть в тех сферах, которые являются основой существования гражданского общества. В-третьих, любое увеличение государственной власти, утверждал он, способствует росту бюрократии, поглощению ею лучших умов и, следовательно, порабощению, как остальной части общества, так и самой себя. Чтобы не допустить поглощения индивидуальной деятельности членов общества, с одной стороны, и сохранить выгоды политической и интеллектуальной централизации – с другой, Д. С. Милль предлагает следующий идеальный принцип: «...наивозможно большее раздробление власти при полном достижении тех целей, какие должна иметь власть и вместе с этим наивозможно большая централизация знания и наивозможно большее изливание этого знания от центра» [3, с. 384]. Иными словами, он предлагает ограничение концентрации власти в одном общественном органе и, исходя из этого, – ограничение власти общества над индивидом путем разделения государственной власти по горизонтали – на законодательную, исполнительную и судебную, и по вертикали – путем разделения властных функций между центральными и местными органами. При этом центральная власть,

по его мнению, дает больше свободы индивидам, так как, не заменяет их деятельность своей собственной, а лишь является их советником и следит за исполнением законов.

Кроме необязательных функций государственной власти, мыслитель выделяет ее необходимые функции, относя к ним прежде всего защиту интересов личности и собственности, а также основанные на этой защите случаи: 1) защиту душевнобольных и детей; 2) гарантии договоров; 3) государственный контроль за деятельностью добровольных ассоциаций; 4) регулирование трудовых отношений; 5) государственную социальную помощь; 6) государственную организацию мероприятий, выгодных для всего общества [4, с. 358–388]. Взгляды философа на эти необходимые функции государственной власти явились основой пересмотра роли государства в идеологии неолиберализма. Если идеологи классического либерализма выступали против государственного вмешательства в свободу индивида в его экономических и социальных отношениях, то Д. С. Милль, как мы видим, не исключает возможности такого вмешательства. Данный подход явился одной из главных идей неолиберализма – усиление вмешательства государства как в экономику, так и в социальную сферу в случаях, когда свобода действий индивида в этих сферах ведет к нежелательным последствиям и вредит интересам других людей. Власть общества, по мнению мыслителя, ограничена также так называемой «сферой индивидуальной свободы», которая имеет отношение только непосредственно к самому индивиду, в которую общество не имеет права вмешиваться. В пределах этой сферы индивид должен быть безраздельно волен распоряжаться собой без контроля со стороны власти. К данной сфере философ причисляет, во-первых, свободу совести, мысли и мнения; во-вторых, свободу выбора и преследования определенных целей, а также свободу на личную жизнь; в-третьих, свободу объединений для достижения целей, не вредящих другим людям. Наиболее важное место среди всех этих проявлений «индивидуальной свободы» Милль отдает свободе мысли и мнения, а также свободе их выражать, то есть свободе слова. Он исходит из того, что несмотря на истинность или ошибочность мнения, которое власть хочет запретить, оно имеет

право на существование. Вышеозначенные идеи, послужившие для Милля основанием необходимости свободы мнений и свободы слова, борьбы мнений как средства достижения истины с правом индивидов на создание общественных организаций, деятельность которых не вредит другим людям, следовательно, не нарушает закона, легли в основу современных концепций «открытого общества». Основой существования такого общества являются принципы плюрализма мнений, а также дробления политической власти между различными группами и их организациями, соперничающими между собой в борьбе за эту власть, которые представляют собой одну из главных идей концепции политического плюрализма.

Как уже отмечалось, в отличие от своих идейных предшественников, Милль рассматривает общество не как механизм, состоящий из изолированных и независимых друг от друга индивидов, а как органичное целое, в котором каждый человек, являющийся членом семьи, общины, группы, государства, тесно взаимосвязан с другими людьми. Исходя из этого, как член органичного целого и как разумно-нравственное существо, человек не только живет и действует для собственных целей, для личных выгод и удовольствий, но и носит в себе осознание высших, господствующих над ним начал и законов и всегда связывает свои интересы с интересами общества. Отталкиваясь от этих воззрений, философ делает вывод о том, что власть общества не только предоставляет индивиду широкие права и прежде всего – право на свободу, – но и налагает на него определенные обязанности. Свобода индивида есть свобода разумно-нравственного существа. Человек имеет права, потому что имеет обязанности. Если бы он не признавался свободным, имеющим права существом, то с него нельзя было бы требовать и исполнения обязанностей. Следовательно, оба эти начала обуславливают друг друга.

Обязанности каждого человека Д. С. Милль изложил в двух правилах, которыми должен руководствоваться индивид в своем поведении по отношению к другим людям. Во-первых, индивид не должен нарушать интересов и прав других людей, а во-вторых, он должен исполнять обязанности, необходимые для защиты

общества или другого человека «от вреда и обид» [3, с. 299]. Причем, своей властью общество может принудить каждого своего члена к их выполнению, если же действия человека, хотя и не нарушая установленных прав других людей, все же вредят их интересам или не принимают их во внимание, и при этом человек отказывается от принудительных действий, общество может наказать его. Философ понимал, что не может быть абсолютной, ничем не ограниченной свободы индивидов и что негативно трактуемая свобода с ее отрицанием всякой власти и всякого авторитета неизбежно приведет к анархии, к крушению демократического государства, а в итоге – к установлению деспотической власти. Поэтому для того чтобы свобода не вела к произволу и, как результат этого, к своему исчезновению вследствие установления в обществе диктатуры, она должна быть ограничена рамками закона. Эти идеи мыслителя о необходимости гармоничного сочетания свободы личности с ее ответственностью перед обществом – в лице власти государства и власти общественного мнения – стали важной вехой в развитии концепции «позитивной свободы» как одной из основных концепций современной демократии.

Если свобода индивида, по Миллю, является источником общественного прогресса, то ответственность индивида перед другими людьми является основой общественного порядка. Причем, как свобода не может существовать без ответственности, так и прогресс невозможен в обществе, где нет порядка. В самом деле, ограждение свободы от произвола имеет огромное влияние на прогрессивное развитие общества, так как у людей появляется уверенность в прочности существующего порядка. В свою очередь общественный прогресс мыслитель связывал прежде всего со свободной деятельностью индивидов, считая, что «там, где существует свобода, там может быть столько же независимых центров улучшения, сколько индивидуумов» [3, с. 289]. Вместе с тем, Д. С. Милль отмечал, что прогресс современного ему общества сопровождается насильственным ограничением свободы индивидуальностей с подавлением их оригинальности как властью государства, так и властью общественного мнения, что ведет

к замедлению этого прогресса. Самую большую опасность для развития индивидуальности личности философ видел не во власти государства, а во власти общественного мнения, которое, навязывая индивидууму свои ошибочные взгляды, стремится к уравниванию людей и поэтому не имеет права вмешиваться в жизнь человека. Невмешательство общественного мнения в данную сферу, полагал мыслитель, в любом демократическом обществе будет способствовать количественному росту свободомыслящих индивидуальностей как социальной основы общественного прогресса.

Таким образом, концепция гражданской свободы Милля состоит как бы из двух полюсов: свободы индивида, в которую входит его сфера «индивидуальной свободы», а также основной принцип и следующие из него правила вмешательства власти общества в личную жизнь индивида, и ответственности индивида, основанной на правилах, которыми руководствуется он в своих действиях в отношении других людей. Новизна подхода мыслителя к проблеме гражданской свободы, базой которого явились его утилитаристские воззрения, заключается в том, что поскольку становление человека не может происходить вне общества, он нуждается как в автономии, необходимой для развития его индивидуальности, так и в активном взаимодействии с другими людьми, так что ответственность является необходимым дополнением свободы. Исходя из этого мы можем констатировать, что теоретическим завоеванием Милля является то, что он не сводит гражданскую свободу к свободе от принуждения со стороны власти общества, а понимает под ней прежде всего свободу для таких действий индивида, которые не нарушают законов и не вредят интересам других людей. Гарантом же законности этих действий является наличие в обществе правового государства, ряд идей которого философ развивает в своей концепции представительного правления, являющейся продолжением концепции гражданской свободы и его утилитаристской доктрины и тесно взаимосвязанной с ними. Именно представительное правление является, согласно его взглядам, той идеальной формой власти, которая наибольшим образом отвечает требованиям свободы и прогресса в обществе.

§ 3. Философско-правовая концепция марксизма

Критически осмысливая предшествующие философско-правовые учения и социально-правовые отношения, К. Маркс и Ф. Энгельс создают свою социальную концепцию. Уже в «Критике гегелевской философии права» Маркс указывает на свои расхождения с гегелевским пониманием социальной необходимости и индивидуальной воли. У Гегеля, согласно Марксу, подлинным субъектом воли выступают не реальные индивиды, а чистое самоопределение духа, единство же государства и права обосновывается случайностью воли абсолютного монарха, отрицая необходимость общественного развития. В противовес Гегелю, Маркс полагал, что исходным пунктом анализа должны стать природная и социальная необходимость, закон вещи и закон разума, приводящие к закону воли. Он считал, что к понятиям права и свободы следует подходить строго исторически. В своих более поздних работах «Немецкая идеология», «Нищета философии», «Критика политической экономии» и других он стремился реализовать этот подход, исходя из своей теории смены общественно-экономических формаций.

Маркс показал, что поскольку в эпоху первобытного доклассового общества индивид еще не стал подлинно свободной личностью, постольку он не обладает потребностью в свободе в полном смысле слова. Развитие производительных сил и производственных отношений, по его мнению, порождает появление элементарных представлений о социальном детерминизме, приводит к оформлению государства и созданию права. Совершенствование способа производства способствует появлению частной собственности и увеличению относительной самостоятельности индивида.

В обществе, основанном на отношении личной зависимости, говорит Маркс, главное социальное деление осуществляется на основе имущественного неравенства. И в этих условиях регулятором отношений между классами является собственность на средства производства. В условиях личной независимости, основанной на вещной зависимости, то есть в условиях капитализма, потребность личности в свободе приобретает новую историческую форму. Капитализм предоставляет человеку личную независимость,

поскольку для его существования необходим трудящийся, свободный от средств производства и имеющий возможность самостоятельно распоряжаться своей личностью, своей рабочей силой. Таким образом, анализируя исторические формы общественного развития, мыслитель не отрицает взаимосвязи права и свободы. Вместе с тем необходимо отметить, что право и государство, согласно учению Маркса, являются надстроечными явлениями, обусловленными производственными отношениями, а, следовательно, и правовые отношения не имеют собственной сущности, собственной ценности, собственной истории.

Говоря о праве, Маркс имел в виду прежде всего буржуазное право. Если для Гегеля прогресс свободы в социальной истории в принципе возможен лишь в правовой форме, то есть как прогресс права, то, по Марксу, напротив, «прогресс свободы продолжится в неправовой (и в безгосударственной) форме и настоящая свобода начнется после капитализма, с преодолением буржуазного права и государства» [1, с. 333]. Таким образом, марксистская доктрина объявила своей главной целью установление нового строя, основанного на принципах классового подхода, уравнивающей справедливости, освобождения людей от угнетения и порабощения. В основе этого учения лежала теория классовой борьбы, которая должна завершиться победой пролетариата, уничтожением буржуазного государственного аппарата, упразднением частной собственности как источника эксплуатации и несправедливости трудящихся масс. Движущей силой общественного развития были объявлены экономические факторы — производительные силы и производственные отношения, выступающие основными детерминантами всех «надстроечных элементов»: государства, права, политики, духовной культуры, нравственности. Поскольку в середине XIX в. проявилась резкая поляризация общества, сложилась ситуация напряженности и одновременно были обнаружены слабые места либеральных теорий, марксистское учение, являясь «утопией земного рая», привлекло много сторонников и оказало огромное воздействие на весь ход исторического развития человечества, хотя в последующем была обнаружена гибкость и динамичность либерализма. Представители нового либерализма вели поиск